

Е.А. Вадимов

**Корнеты и звери: ("славная
школа"): очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.А. Вадимов**
Корнеты и звери: ("славная школа"): очерки / Е.А. Вадимов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 68 с.

ISBN 978-5-517-98180-6

Посвящается Ивану Константиновичу Гагарину.

ISBN 978-5-517-98180-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Фуражка милая, не рвися —
Съ тобою — жизнь моя 'слита!
Съ тобою бурно пронеслися —
Мои кадетскіе года!..

Изъ кадетской пѣсни.

Нась — человекъ двадцать пять.

Двадцать пять кадетъ одного и того же корпуса, которыхъ ведетъ въ военное училище послѣдній разъ сопровождающій своихъ питомцевъ кадетскій офицеръ-воспитатель.

Послѣдній разъ на нашихъ плечахъ кадетскіе шинели и мундиры.

Нась ведутъ къ суровой юнкерской жизни

За спиною — семь лѣтъ крикливаго, веселаго, безпечнаго, самоувѣреннаго кадетства...

Впереди — строгая тайна знаменитой „гвардейской школы“ и связанной съ нею безпощадной кавалерійской тренировки въ теченіе двухъ лѣтъ.

Жутко и торжественно...

Восемь часовъ утра.

Послѣдній день мѣсяца августа, уже замѣтно отдающій сѣверною осенью.

Маріинская площадь, громадное зданіе Петербургской консерваторіи, Крюковъ мостъ и каналъ...

По темно-бурой водѣ канала плаваютъ желтые листья.

Ихъ сноситъ утреннимъ вѣтромъ съ деревьевъ Никольскаго сквера, окружающаго церковь Николы Морского.

Мы идемъ и молчимъ.

Пересѣкаемъ Екатерингофскій, входимъ на слегка качающійся подъ нашими шагами Египетскій мостъ съ привставшими на переднихъ лапахъ темно красными сфинксами.

По обѣимъ сторонамъ моста — широкая, немного волнующаяся, изобилующая барками и мелкими финляндскими пароходами Фонтанка.

Встрѣчныя подводы ломовиковъ, бородатые извозчики, открытые лабазы, приказчики въ бѣлыхъ фартухахъ у ихъ дверей, арбузы и сливы за зеркальными стеклами лавокъ, рыбные лотки съ корюшкой и снѣтками, усатые городовые на углахъ, направляющіяся за покупками кухарки...

Утро — какъ утро...

Вотъ уже и Ново-Петергофскій проспектъ, въ концѣ котораго цѣль нашего марша...

Настроение все серьезнѣе и серьезнѣе — и мы уже не можемъ скрывать другъ отъ друга волнующихъ насъ чувствъ.

Кое-кто пробуетъ шутить — бросаетъ какое-нибудь слово — но шутки и остроты не удаются, выходятъ „корявыми“ и не въ силахъ отогнать мысли, засѣвшія въ головѣ.

Правда—не на казнь и не въ тюрьму мы идемъ, въ самомъ дѣлѣ!

Впереди — „школа“ — Славная Гвардейская школа, блестящій юнкерскій мундиръ и шпоры настоящаго кавалериста, конь подъ сѣдломъ и вольтрапомъ, Андреевская звѣзда на драгункѣ—и все остальное, что окружаетъ будущаго корнета.

Но не легко, очень не легко даетъ къ себѣ подступъ лучезарная звѣзда офицера Россійской конницы...

И не только она — не легко влѣзаетъ на плечи и близкій уже мундиръ юнкера съ обшитыми золотомъ воротникомъ и красными обшлагами „стрѣлкой“.

Вѣдь сейчасъ — черезъ нѣсколько минутъ — сомкнутся надъ нами жуткіе своды уже хорошо извѣстнаго по рассказамъ другихъ зданія историческаго училища — полнаго особыхъ традицій, съ необычной для простаго смертнаго кавалерійской жизнью и суровымъ „цукомъ“, ожидающихъ насъ юнкеровъ старшаго курса, носящихъ наименование „корнетъ“.

Они — корнеты, благородное корнетство, хранители священныхъ завѣтовъ предыдущихъ выпусковъ, блюстители лихого кавалерійскаго духа — и, строго говоря — наши главные воспитатели и учителя.

Начальникъ училища, смѣнные офицеры, преподаватели военныхъ и другихъ наукъ, все это само по себѣ, на своемъ особомъ мѣстѣ — но самое главное — непоколебимыя традиціи школы, „цукъ“ и ожидающее насъ „благородное корнетство...“

Они — корнеты; мы — звѣри, сугубые звѣри, вандалы, скифы, сарматы, пернатые, хвостатые, мохнатые.

Мы добровольно избрали себѣ нашъ путь, ведущій въ ряды офицеровъ Россійской конницы — и идемъ къ огненному чистилищу, черезъ которое съ преклоненной головой долженъ пройти каждый будущій, корнетъ.

Жутко!..

Гдѣ-то позади уже — веселое ребячество и корпусъ, каникулы въ тихихъ усадьбахъ съ уютными домами и дѣтскими комнатами, заботливыя мамыши, бабушки и тетки, нѣжности, мягкія подушки и теплыя одѣяла — и жесткое, строгое, неумолимое впереди...

Кончается Ново-Петергофскій проспектъ. Уже виденъ Балтійскій вокзалъ за Обводнымъ каналомъ — и черезъ минуту, другую мы уже заходимъ правымъ плечомъ въ ворота желѣзной ограды, отдѣляющей отъ внѣшняго міра нашу буду-

щую „alma mater“ Николаевское Кавалерійское Училище.

За оградой -- прикрытое небольшимъ садомъ, высится длинное, трехэтажное зданіе съ пристройками.

Надъ главнымъ фронтономъ зданія — длиннокрылый и широкій Николаевскій орелъ.

Вотъ она, школа!

Прощай дѣтство и безпечные мальчишескіе годы -- здравствуй настоящая, суровая военная жизнь!

II

... Какъ наша школа открывалась,
Надъ ней — разверзлись небеса...
Изъ »Звѣриады«

Мы — въ большемъ, нѣсколько низкомъ вестибюлѣ училища, въ который входимъ черезъ единственную большую дверь.

Направо — дежурная комната, за нею — корридоръ, ведущій въ цейхгаузъ и карцера, налево — „приемка“ и дверь въ квартиру начальника училища.

Прямо въ глубинѣ — входъ въ „гербовый“ залъ и по его сторонамъ двѣ уходящихъ въ высь лѣстницы, ведущія въ завѣтныя и таинственныя еще для насъ помѣщенія „эскадрона“ и казачьей сотни.

Изъ дежурной комнаты, извѣщенный о нашемъ прибытіи — выходитъ дежурный по училищу смѣнный офицеръ въ формѣ Смоленскаго драгуна *).

— Пока — въ баню! — распоряжется „Саша“. . . — Кто изъ васъ старшій, господа? Постройтесь и идите...
Это — „милый Саша“ ротмистръ Александръ

*) Въ описываемое время — всѣ полки армейской кавалеріи были драгунскими — безъ подраздѣленія на гусаръ, уланъ и т. д.

Ивановичъ Сорокинъ, бывшій дежурнымъ въ этотъ знаменательный день.

Васъ проведетъ служитель!

Покорные всему и всѣмъ — двигаемся въ баню.

Насъ проводятъ среди различныхъ построекъ, заполняющихъ внутренніе дворы „школы“, среди конюшенъ, манежей и предманежниковъ — баня ютится гдѣ-то совсѣмъ въ глубинѣ.

За нашей группой, сохраняя чувство собственнаго достоинства, движется высокая и плотная фигура сверхсрочнаго кавалерійскаго солдата, съ вахмистерскими шевронами на рукавѣ.

Это — Нарѣжный, каптенармусъ училища, вѣдающій юнкерскимъ обмундированіемъ.

Горы этого обмундированія уже навалены въ предбанникъ, гдѣ сразу и происходитъ пригонка.

Раздѣваемся, моемся и опять выходимъ въ костюмахъ Адама въ предбанникъ.

Отъ прошлаго на насъ уже нѣтъ ничего, кромѣ натѣльныхъ крестовъ.

Юнкерское бѣлье, юнкерскіе шаровары и куртки, высокіе, грубые юнкерскіе сапоги съ широкими, какъ буква „п“ — носами.

Сапоги -- безъ шпоръ.

До шпоръ — еще очень, очень далеко!

Молодежь — ходитъ въ стѣнахъ школы безъ шпоръ до того времени, пока не заслужитъ ихъ по приговору начальства въ манежѣ за хорошую и достойную ѣзду верхомъ, а это не такъ легко дается.

Мы одѣты — но видъ у насъ всѣхъ, несмотря на кавалерійское обмундированіе — весьма и весьма плачевный.

По училищному выраженію — „сугубый“.

Казенныя куртки (бушлаты) безъ галуновъ сидятъ некрасиво и грубо; еще некрасивѣе — синесѣрыя рейтузы, вправленныя въ сапоги съ голени-

щами, и уже совсѣмъ нехудожественно выглядятъ эти послѣдніе...

Одѣты...

Каптенармусъ Нарѣжный — бывший простой уланскій солдатъ, дослужившійся до вахмистровъ Гвардіи и прикомандированный теперь къ училищу для исполненія своей должности хранителя всѣхъ нашихъ шинелей, мундировъ и сапогъ — съ едва уловимой усмѣшкой въ глазахъ поворачиваетъ и осматриваетъ наши фигуры — фигуры такихъ теперь неуклюжихъ и робкихъ „господъ барчуковъ“, добровольно дѣлающихся солдатами.

— Шароварчики узковаты! — говоритъ Нарѣжный дѣловито. — Безпремѣнно перемѣните, баринъ! — Нѣшто можно въ такихъ штанахъ сѣсть въ сѣдло? — Одинъ смѣхъ будетъ!

Съ Нарѣжнымъ — спорить трудно.

Этотъ высокій и довольно красивый мужикъ изъ подъ Полтавы, добившійся вахмистерскихъ шевроновъ — лучше знаетъ, что хорошо и что плохо для кавалериста, что нужно и что не нужно.

И когда все что слѣдуетъ пригнано, одѣто и прилажено — насъ, уже облеченныхъ сверху въ сѣрыя солдатскія шинели — ведутъ обратно въ „эскадронъ“.

Опять вестибюль.

Около дежурной комнаты — опять группа новыхъ кадетъ — нашихъ будущихъ товарищей по курсу.

Это — провинціалы, кадеты корпусовъ, расположенныхъ въ другихъ городахъ, внѣ Петербурга.

Орловцы — Бахтина, Нижегородцы графа Аракчеева, Полтавцы, Полочане и, конечно, Москвичи съ Лефортова...

Сборъ со всѣхъ концовъ Имперіи...

Въ этотъ день выпускныхъ кадетъ привозятъ въ Питеръ специальными поѣздами, разбиваютъ „по

училищамъ“ на дебаркадерахъ вокзаловъ и разводятъ по всѣмъ направленіямъ столицы...

Прибывшихъ провинціаловъ въ свою очередь отправляютъ въ баню, а мы — уже очищенные и переодѣтые — останавливаемся посреди вестибюля и покорно ждемъ своей участи...

И она теперь близка, эта участь...

Сверху, по лѣвой отъ входа каменной лѣстницѣ — *корнетской* лѣстницѣ — лихо стуча шашкой по ея ступенямъ и гремя шпорами — спускается *онъ*.

Онъ — первый юнкеръ — „корнетъ“, исполняющій сейчасъ обязанности дежурнаго по эскадрону.

Его, повидимому, вызвалъ къ себѣ дежурный офицеръ, т. к. юнкеръ дѣловито подходитъ къ послѣднему, „отчетливо“ щелкаетъ шпорами и подноситъ руку къ головному убору.

— Примите эту группу молодыхъ, Аваловъ! — говоритъ офицеръ. — Проведите во взводы и назначьте временныя койки... Окончательную разбивку сдѣлаетъ завтра командиръ эскадрона!...

— Слушаюсъ! Пожалуйте, господа!

Покорные и молчаливые движемся мы вслѣдъ за нашимъ вождемъ въ шпорахъ.

Поднимаемся вверхъ — но поднимаемся по правой, звѣрской, лѣстницѣ, слѣдуя традиціи, теряющейся во мглѣ вѣковъ.

Кто первый ввелъ въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ его традиціи — установить трудно — хотя передаваемые изъ устъ въ уста преданія гласятъ, что многіе изъ юнкерскихъ обычаевъ и чудачествъ были введены никѣмъ инымъ, какъ Михаиломъ Юрьевичемъ Лермонтовымъ и его сверстниками, такъ-же прошедшими въ качествѣ питомцевъ это учрежденіе Императора Николая I-го, носившее въ то время наименованіе „Школы Гвар-

дейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ“.

Безсмертный и Великій творецъ „Демона“, какъ извѣстно, по окончаніи юнкерства вышелъ въ Лейбъ Гусарскій полкъ, откуда, въ послѣдствіи, былъ переведенъ на далекій Кавказъ, вдохновившій его для цѣлаго ряда замѣчательныхъ произведеній.

Но муза навѣщала Лермонтова уже и во вздахъ школы — чему является свидѣтельницей знаменитая юнкерская молитва, входящая въ собраніе его стихотвореній:

Царю Небесный —
Избавь меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня
Отъ фланкировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь...

И, Царь Всевышній,
Хорошъ ужъ тѣмъ —
Что просьбой лишней
Не надотѣмъ!...

Кто рѣшается идти въ „школу“, избирая своимъ жизненнымъ путемъ путь офицера конницы — тотъ долженъ знать — для чего и на что онъ идетъ.

Онъ долженъ молчаливо, покорно и сознательно согласиться со всѣмъ, что ждетъ его въ грядущемъ въ видѣ всевозможныхъ моральныхъ барьеровъ, канавъ и ирландскихъ банкетовъ.

Сегодня ты — „звѣрь“, „вандаль“ и „скифъ“, трепещущій подъ зоркимъ взглядомъ благороднаго корнетства, едва садящійся на учебнаго коня, представляешь собою только подобіе юнкера кавалеріи, — а черезъ годъ — ровно черезъ годъ въ это время — ты самъ уже благородный корнетъ и хранитель всѣхъ традицій школы!

Терпи-же, молодой вандалъ!
Иди черезъ всѣ огни — и стремись къ одному:
Быть ловкимъ, „отчетливымъ“, „лихимъ“, благо-
роднымъ, дисциплинированнымъ и вѣрнымъ.

Вѣрнымъ Богу, Царю, Отечеству, долгу, оружію,
товарищамъ, полку, штандарту — и конницѣ, род-
ной конницѣ, лучше и величественнѣе которой нѣтъ
ничего на свѣтѣ!

Не въ одной „школѣ“ былъ и есть „цукъ“.

Его подобіе существуетъ вездѣ — и вездѣ оно
въ своемъ родѣ — начиная отъ „фуксовъ“ въ сту-
денческихъ корпораціяхъ нѣмецкихъ университе-
товъ и кончая знаменитымъ Сень-Сиромъ прекрас-
ной и республиканской Франціи.

Кто хочетъ — пусть провѣряетъ!

Нужно *сѣтай* кавалеристомъ, а не только обу-
читься ѣздѣ и ношенію той или другой формы.

Надлежитъ — впитать въ себя весь духъ кон-
ницы, понять его истинную сущность, слѣлаться
кавалеристомъ манежа и полей, а не гостинныхъ и
ресторановъ.

Нужно влюбиться — и влюбиться страстно, до
гроба — въ свою профессію, въ свой будущій пол-
ковой штандартъ, въ искусство ѣзды, въ густую
пыль лѣтнихъ ученій, въ тревожные звуки сигнала-
ловъ, въ гармонію „генераль-марша“, въ пряный и
милый запахъ конюшенъ, въ ласковое ржаніе ко-
ней — влюбиться во все это такъ, чтобы все ос-
тальное считать на земномъ шарѣ второстепеннымъ
и мало интереснымъ...

— Пусть другіе будутъ кѣмъ угодно, но я всегда
буду тѣмъ, чѣмъ есть и чѣмъ хотѣлъ быть! — ска-
залъ какъ то Скобелевъ, выѣзжая на рекогносци-
ровку. — Ни въ оберъ-прокуроры, ни въ оберъ-
контролеры я не пойду!...

Шествуйте же покорно за ведущимъ васъ въ помѣщеніе эскадрона дежурнымъ юнкеромъ, господа сугубые звѣри и будущіе корнеты!

Не вы первые, не вы послѣдніе.

Многихъ уже выпустила въ ряды россійской конницы славная гвардейская школа и не мало славныхъ именъ дала она исторіи...

И были вѣчными друзьями
Солдатъ, корнетъ и генераль!...

III

Средняя площадка училища, на которую насъ выводитъ Аваловъ — пустынна и тиха.

Это мѣсто ежедневнаго сбора юнкеровъ эскадрона на утреннюю и вечернюю молитву, на переключку, на сборы передъ завтракомъ и обѣдомъ.

Во внутренней стѣнѣ, — сейчасъ же около лѣстницъ—наглухо закрытая дверь въ церковь, икона съ лампадой надъ этою дверью, по сторонамъ — мраморныя доски съ именами юнкеровъ, наиболѣе успѣшно окончившихъ школу въ разныя времена ея существованія.

Прямо передъ глазами, у наружной стѣны — въ промежуткѣ между большими окнами, выходящими на Ново Петергофскій — портреты Императоровъ, начиная съ Николая Павловича—всѣ они въ формѣ частей кавалеріи.

Тщательно натертый паркетъ, торжественный блескъ золотого багета на портретныхъ рамахъ.

— Пока распредѣлите себѣ койки во взводахъ временно, господа!..— говоритъ Аваловъ. -- Завтра утромъ разбивку сдѣлаетъ полковникъ.. Полковникъ Карангозовъ... Сейчасъ еще никого нѣтъ въ школѣ... Корнетство еще въ отпуску послѣ лагерей...

Мы облегченно вздыхаемъ...